

Армия и общество в информационном пространстве России конца XIX – начала XX века: философское осмысление

The army and society in the information space of Russia in the late 19th and early 20th centuries: a philosophical understanding

Сазанов И. Н.

Аспирант, ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия», г. Омск»
e-mail: igor.pilipenko.1999@mail.ru

Sazanov I.N.

Postgraduate student, Omsk Humanitarian Academy, Omsk
e-mail: igor.pilipenko.1999@mail.ru

Пузиков В.Г.

Д-р филос. наук, профессор кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск
e-mail: puzikov@omgpu.ru

Puzikov V.G.

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General History, Sociology and Political Science, Omsk State Pedagogical University, Omsk
e-mail: puzikov@omgpu.ru

Аннотация

В статье поставлена задача изучить проблему становления информационного общества в России конца XIX – начала XX в. как ключевого фактора формирования кризисной внутриполитической ситуации во время военно-политических кризисов. На основании имеющихся эмпирических данных предпринимается попытка определить существенные характеристики информационной и коммуникативной культуры Российского общества, недостаточный уровень развития которых привел к печальным последствиям. Сформулированы ключевые принципы информационной политики, способные создавать и поддерживать в информационном пространстве социальной структуры общества желаемый и необходимый социокультурный эффект.

Ключевые слова: армия и общество, информационное пространство, информационная политика, информационная и коммуникативная культура.

Abstract

This article examines the development of an information society in Russia in the late 19th and early 20th centuries as a key factor in shaping the domestic political crisis during military and political crises. Based on available empirical data, this article attempts to identify the essential characteristics of the information and communication culture of the Russian Empire, the level of development of which led to tragic consequences. Key principles of information policy are formulated that can create and maintain the desired and necessary sociocultural effect within the information space of society's social structure.

Keywords: army and society, information space, information policy, information and communication culture.

Изучение феномена информационного общества создаёт целый ряд проблем для исследователей общества (находящегося в любом историческом времени), структура которого всё более усложняется и дробится за счёт стремительных социально-экономических процессов. Эти процессы, естественно, отражаются на общественных отношениях в виде дифференциации или как это иначе называют дробной системой субкультур, различающихся между собой по сословным, профессиональным и конфессиональным признакам [8]. Столь сложносоставная структура современного общества ставит перед обществоведами множество интереснейших проблем, решение которых может приблизить к пониманию феномена информационного общества как такового. Центральной категорией информационного общества является понятие «информационное сообщество», являющееся не только категорией философского знания, но и вполне конкретной формой общественных отношений между людьми, взаимодействующими в его рамках [4].

В современном мире этот феномен находит своё отражение во всех сферах человеческой деятельности в виде многочисленных тематических сообществ сетевого пространства. Вместе с тем, цифровое пространство это лишь форма, тогда как сам по себе феномен в его прообразах можно отследить в конкретных исторических условиях России конца XIX – начала XX в., что позволяет привлечь достаточное для верификации количество эмпирического материала. Кроме того, позволяет достоверно проанализировать информационный массив уже завершённого исторического процесса. Ключевой задачей является не столько характеристика отдельных элементов, структурных составляющих подобного типа общества, но объяснение самого механизма, благодаря которому происходит культурный диалог между разными социальными слоями и субкультурами. Всё это, на наш взгляд, даёт возможность охарактеризовать коммуникативное пространство, в рамках которого оно происходит, установить исторически ошибочные принципы и способы его регулирования. Решение этой задачи невозможно без обращения к социальной философии в виде методологии социального прогнозирования. Её применение позволяет более глубоко исследовать поставленную проблему в конкретных исторических условиях, оценить и сформулировать точные характеристики информационного общества в прошлом, настоящем и будущем.

В первую очередь необходимо уточнить следующий момент. Когда разговор заходит об информационной эпохе её вполне справедливо относят к порождениям нового типа общества, неразрывно связанного с гаджетами и возникшей массовой электронной культурой в виде социальных сетей [1]. Доминирующим термином здесь выступает термин «информация». Но если попытаться дать ему определение, то обнаружится что это не так-то просто [9]. Оно означает не только само «знание», но и ещё процесс его генерации, фиксации, трансляции, восприятия и совершение целенаправленных действий [12, С. 91-123]. При таком определении оказывается, что сам по себе феномен «информации» как влиятельного фактора общественно-политической жизни не привязан конкретно к цифровым технологиям как таковым.

Однако информация не существует сама по себе и в условиях «информационного общества», она работает в рамках определённой структуры, так называемого «коммуникативного поля», которое можно понимать как сложную структуру, обеспечивающую взаимодействие объектов общественных отношений между собой [3]. Предпосылками для её формирования можно считать наличие многообразных информационных потоков и соответствующей инфраструктуры, позволяющей социальным группам участвовать в коммуникативном процессе [14, С. 63]. Исходя из такого понимания проблемы, представляется логичной постановка вопроса: можно ли найти предпосылки этой эпохи в истории России конца XIX – начала XX в.?

Выбор этого периода совсем не случаен. Разумеется, что различные газеты и журналы существовали и до этого, однако крайне немногие сумели просуществовать достаточно

продолжительное время. Для периодики любого типа в то время ключевой проблемой была недолговечность – поскольку основным способом распространения их была подписка, то и долговечность подобных изданий зависела от интереса к изданиям, поддерживать который на протяжении длительного времени было непросто по причине отсутствия финансов у редакции. Потому, не смотря на впечатляющую статистику роста количества изданий, многие не проживали и года [11, С. 20-21]. Оказывала своё влияние и политическая обстановка, ситуативное влияние которой провоцировало рост соответствующих изданий, обычно долго не проживавших. Но, тем не менее, несмотря на это, периодика стала неотъемлемой частью общественно-политической жизни за счёт своего информационного эффекта, позволяя авторам доносить читателю убедительным образом образ событий и создавать нужный фон вокруг происходящих событий.

Именно ввиду этого обстоятельства печатные органы и играли столь значимую роль. Как убедительно доказала В.В. Родигина [17, С. 20-22], в конце XIX в. именно печать играла ключевую роль при формировании любого общественно значимого образа. Согласно её схеме, формирование образа неразрывно связано с коллективным воображением, формирующимся за счёт двух основных источников – личного опыта и полученной извне информации. Но первое сугубо индивидуально и зависит от множества специфических вещей вроде места проживания и местных социально-культурных условий. То, во втором случае именно печать, наряду с литературой, выступала источником новостей, а значит и источником массовых представлений. А дальше вступало в дело коллективное бессознательное и однажды сформировавшееся впечатление только укреплялось за счёт косвенных факторов вроде места проживания и общей социокультурной обстановки в регионе, которая могла иметь ключевое значения при формировании конечного образа [5].

Соответственно, если коммуникативное поле действительно существовало, то кто был его участником? Тут всё просто. Если печать становится площадкой для общественных дискуссий и диспутов, то она автоматически становится частью публичной сферы и автоматически связывает её с интересами единого целого. Ввиду достаточно ограниченного распространения печати в Российской империи, получается, что в роли «публики» выступали вполне конкретные социальные группы, отстаивающие свои интересы в печати [20]. Получается в реалиях конца XIX – начала XX в. под публикой можно понимать постоянных читателей и активных участников дискуссии. Но, кто конкретно участвовал. Этот вопрос кажется странным. Ответ очевиден – это военные и гражданские, как и описано в проблеме.

Под «гражданской публикой» будет правильно понимать не аморфную «общественность», а конкретный социальный слой – образованную и достаточно обеспеченную часть общества, участвующую в процессе формирования общественного мнения [16]. Фактически это представители интеллигентских профессий – это наиболее активные участники общественно-политических организаций, т.е. люди, чья активность в печати объясняется прямым социальным интересом. С другой стороны, это и члены различных революционных движений, чья работа в печатных органах также имеет прямую политическую подоплёку. Конечно, это было подавляющее меньшинство от общего количества населения. Но всё же это были люди, чьё мнение имело значение как за счёт их социальной позиции в обществе, так и возможности распространять свою позицию на других или самим влиять на общественные настроения.

В связи с чем возникает правомерный вопрос: к какой категории народонаселения относить военную публику? Военная публика – это вполне реальная масса людей, которую в самом общем понимании можно определить как сообщество профессиональных военнослужащих – действующих кадровых офицеров, различного рода начальников и командиров, интеллектуальной элиты в лице преподавательского состава учебных заведений, которые по законодательству [19] не имели права участвовать ни в какой общественно-политической деятельности. Фактически, получалось так, что именно печать являлась единственной доступной для них формой выражения своих интересов и взглядов. Это не означает, что все они едины в своих профессиональных или политических взглядах. К тому

же, само «военное сообщество» было в основном офицерским, и голос солдата звучал редко. Тем не менее их можно вполне считать полноценным участником коммуникативного поля.

В условиях конца XIX – начала XX в. именно печать являлась основным способом коммуникации в рамках единого поля. И к началу этого периода, несмотря на всё, численность различных печатных изданий, безусловно, росла, и они стали реальным фактором влияния в общественной жизни. Их успех обеспечивался эффектом информационного фона, т.е. большого количества однородных данных или мнений вокруг определённого общественно значимого события. Далее в дело вступали господствующие тогда настроения в обществе, напрямую влияющие на их отношение к армии. Радикальные изменения произошли в морально-психологической обстановке внутри страны. Они были связаны с изменением политических взглядов среди населения, со снижением роли православной религии, с расширенным распространением нигилизма и, в конечном счёте, с низким уровнем грамотности среди призывников. Все эти изменения никак не способствовали позитивному восприятию воинской службы ни среди призывников, ни среди общественности [18].

За счёт этих факторов ценностные ориентиры русской интеллигенции кардинально отличались от офицерской этики, что фактически гарантировало апатию и даже открытое неприятие ими армии. Потому, многие информационные поводы ложились на подготовленную почву и серьёзно подрывали репутацию вооружённых сил. Известно немало примеров, когда отдельные случаи проявления жестокости по отношению к гражданским лицам со стороны офицерства широко обсуждались в гражданской печати [10, С. 494]. Вместе с этим «в дело вступали» и революционные пропагандисты, регулярно тиражирующие подобные примеры жестокости на всю страну. Впрочем, и сами офицеры иногда способствовали этому, участвуя в карательных экспедициях и проявляя ответную жестокость по отношению к мирным жителям [6]. Таким образом, гражданская печать была ключевым инструментом влияния на общественные настроения, предоставляя площадку для информационного воздействия и становление выгодных революционерам нравственных позиций.

Но всё обстояло несколько иначе с военными изданиями. Они были отнюдь не новым феноменом для конца XIX в. К тому времени уже сложилась система периодических изданий официального и полуофициального характера. Это могли быть как издания центрального характера, принадлежащие как военному министерству, так и отдельным родам войск. Чуть позднее появились и более специализированные органы, посвящённые отдельной проблематике вроде военной медицины. Получили развитие и региональные газеты, существующие, как правило, при штабах казачьих войск. В целом, они играли важную роль не только как место размещения официальных указов и распоряжений, но и как площадка для обсуждения актуальных вопросов.

К тому же, поскольку это были специальные военные издания, широкого распространения среди обывателей они иметь не могли. Конечно, всё зависит от содержания и конкретной тематики издания. Но, в целом, большинство изданий посвящалось чаще «внутренним вопросам» – информированию личного состава, воспитательной и пропагандистской работе, изучению мнения военной общественности, популяризация военных знаний [2, С. 38-43]. Культурным вопросам и литературным произведениям уделялось не так много места. Острые политические вопросы практически в военной печати конца XIX – начала XX в. практически не обсуждались, в лучшем случае давалась сухая сводка без комментариев. Благодаря этому подобные издания находили отклик в основном у военных, имеющих куда более лёгкий доступ к ним по сравнению с лицом гражданского происхождения. Для «военного сообщества» это была вполне доступная площадка для диспутов по социально и профессионально важным для них вопросам. Интерес гражданских к ним был относительно низким. Так, А.И. Деникин считал [7, С. 191-194], что из тех изданий хоть как-то занимавшихся военным бытописанием и имевшим распространение можно назвать три – это журналы «Разведчик» и «Военный сборник», а также газета «Русский инвалид». Но даже

в них найти сколько-нибудь достойные произведения на военную тему в популярном изложении не представлялось возможным.

Тираж выступал ещё одной проблемой – он был относительно небольшим. Взять скажем «Разведчик», один из более популярных журналов, то окажется что в 1891 г. он имел не более семи с половиной тысяч подписчиков [15]. Тираж и количество подписчиков иных изданий официального характера установить сложно. Однако, учитывая их ведомственный характер и тот факт, что они предназначались именно для распространения среди офицеров, то количество гражданских подписчиков не могло быть достаточным для формирования устойчивого позитивного образа. Если такое в принципе было вообще возможно в условиях роста антивоенных и пацифистских настроений среди образованного общества.

Не был слишком удобен и способ распространения таких изданий. Разумеется, существовала и частная подписка, но она стоила больших денег. Государство принимало меры для централизованного распространения некоторых изданий. К концу XIX в. обязательная подписка была отменена и была введена коллективная подписка, т.е. издания доставлялись в библиотеки подразделений и учебных заведений. Там с ними знакомились в основном офицеры и нижние чины.

Но это военная печать. А что же насчёт гражданской литературы? Разумеется, армия находила своё отражение в многочисленных произведениях русских писателей – Толстого, Щеглова, Гаршина, Чехова и мн. др. Однако их произведения, пускай, и были талантливы, были чрезвычайно редки в общем массиве литературы. При этом, как правило, армейский быт в них выводился эпизодически и далеко не всегда в позитивном виде. Тем более, что многие их произведения были посвящены историческому прошлому и практически никак не касались современности. В остальных же случаях, как сетуют современники, это было отнюдь не так. Например, ранее упоминаемый А.И. Деникин, пытавшийся в эмиграции анализировать причины произошедшего отмечал, что период конца XIX в. литературная традиция изображала военный быт привычными красками – тяжёлая казарменная жизнь, будничная пошлость, человеческие пороки [7, С. 203]. Это, с одной стороны, достаточно реалистично отражало неоднозначные реалии военного быта, но, с другой, делало задачу произвести позитивное впечатление об армии практически невозможной, что, в свою очередь, способствовало социальному расколу внутри русского общества и подталкивало его, в конечном счёте, к революции.

Для эффективного влияния на формирование позитивного образа армии было необходимо необычайное стечение множества факторов и обстоятельств в единое воздействующее в нужном направлении целое. Для этого требовалось достаточно объёмное произведение, известный автор и удачное стечение обстоятельств, которое бы подвигло широкую дискуссию и привлекло бы внимание к произведению. Но, поскольку репутация отечественных вооружённых сил была низкой среди писательской интеллигенции, то обсуждаемые информационные поводы были скорее негативными или нейтральными, особенно в условиях Русско-японской войны и первой русской революции [21, С. 46-90]. На это накладывалось ещё и то, что армейская жизнь в описанный период была контрастной и сложной, вероятно слишком противоречивой для искомой цели повышения репутации при вводных условиях о необходимости правдивого образа.

По мнению того же Деникина, только «Поединок» Куприна смог более или менее реалистично изобразить картину военной службы при пехотном полку в захолустном городке и при этом найти успех у читателя. Теоретически, работа не представляет собой чего-то особенного, о чем ранее не было известно читателю. По сути, это были классические для того времени описания жизни военных захолустного городка – скука, бедность, скудность казарменного быта, обыденная жестокость. Конечно, некоторые вещи были описаны чересчур карикатурно, но сами по себе они не могли вызвать столь широкого обсуждения [21, С. 72-80]. Но повесть была опубликована в 1905-м году, что накладывалось не только на весьма негативный ход Русско-японской войны, но и яркий антивоенный настрой среди гражданской прессы. В информационном поле получился эффект «разорвавшейся бомбы» с бесчисленным

количеством публикаций от представителей всех социальных слоёв и политических позиций [13]. Разумеется, образу офицерства и русской армии это нисколько не помогло.

Таким образом, в информационном пространстве России конца XIX - начала XX в. происходили сложные процессы становления информационного общества, связанные с первыми опытами использования средств массовой информации для влияния на общественность и её настроения путём эксплуатации существующих среди интеллигенции настроений и кардинального изменения морально-духовной и политической атмосферы в стране. Наличествующие упущения в информационной политике в виде практики ограждения армии от участия во всех сферах жизни российского общества не способствовали успеху в пропагандистской работе, эксплуатирующей эти упущения для формирования негативного образа армии.

Это, в свою очередь, приводило не только к отчуждению различных элементов социальной структуры общества, но и формировало вполне конкретные негативные нравственно-философские установки в умах всех участников информационного пространства России. На практике это означало укрепление антивоенных тенденций и формирование антивоенного настроения, всячески оправдывавшего и провоцировавшего насилие против тех, кого называют «поборниками режима». С точки зрения военных, это лишь усиливало обособленность внутри офицерской корпорации, способствовало росту противоречий между императорской армией и российским обществом.

Литература

1. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // Вопросы философии. 2013. №5. С. 75-83.
2. Белогуров С.Б. История военной периодической печати в России, XIX–начало XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. ист. н. Москва, 1997. 50 с.
3. Бурдые П.О. Телевидении и журналистике. Москва, 2002. С. 89-109.
4. Васильева Е.Ю., Ерохин А.М. Роль культуры и культурной идентичности в преодолении социальных рисков // Наука. Инновации. Технологии. 2012. № 1. С. 64-69.
5. Гефнер О.В. Армия и общество в России во второй половине XIX – начале XX вв.: Проблема культурного диалога (на материалах западной Сибири) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 1. С. 9-19.
6. Гребенкин Игорь Николаевич Российское офицерство и политическая жизнь России в начале XX в // Вестник ТГУ. 2009. №3. С. 220-228.
7. Деникин А.И. Старая армия // Деникин А.И. Старая Армия. Офицеры. Москва: Айрис - пресс, 2005. С. 93-382.
8. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 53.
9. Лысак И.В. Информация как общенаучное и философское понятие: основные подходы к определению // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. № 2. 2015. С. 9-26.
10. Мариюшкин А. Трагедия русского офицерства // Офицерский корпус Русской Армии: Опыт самопознания / сост. А.И. Каменев, И.В. Домнин, Ю.Т. Белов, А.Е. Савинкин; ред. А.Е. Савинкин. Москва, 2000. 639 с.
11. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. Учебно-методический комплект (Учебное пособие, Хрестоматия). М.: Флинта: Наука, 2004. 368 с.
12. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М.: Физматлит, 2001. 272с.
13. Миленко В.Д. Куприн. Возмутитель спокойствия. Москва, 2016. С. 103.
14. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // Вопросы философии. 2008. №7. С. 61 - 75.
15. Отчет за 1891 г. по изданию журнала «Разведчик» // Разведчик. 1891. № 96. С. 226– 227.
16. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX в. М. 1991. С. 33-36.

17. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.
18. Суряев В.Н. Военная служба в восприятии Российского общества начала XX в. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. №2. С. 122-134.
19. Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. Москва, 2019. С. 146-150.
20. Турбина Е. Публика: краткий очерк понятия // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади. Коллективная монография под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. Москва, 2013. С. 25-34.
21. Шестопалова. А.С. Образ офицера в отечественной публицистике и периодической печати (1904-1917 гг.). дисс. на соиск. уч. степени. кан. ист. наук. Томск, 2019. 221 с.